

К. Г. Холодковский ДВОЙСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: идентичность, социокультурный конфликт, модернисты, традиционалисты

Обозначившееся в первом десятилетии XXI в. экономическое возвышение Индии, Бразилии и особенно Китая заметно повысило интерес научного мира к социокультурным факторам развития. Не вызывает сомнений, что в условиях глобализации эти факторы сыграли немалую роль в ускорении развития новых лидеров экономического роста (взять хотя бы такие восходящие к конфуцианской традиции черты китайской культуры, как трудолюбие и исполнительность, а также престиж и профессионализм чиновничества).

В связи с этим вполне оправданно внимание к процессам, происходящим в социокультурной сфере России, в том числе к специфике российской идентичности. Изучение этой специфики в соотношении с проблемами будущего развития страны тем более важно, что перед Россией, рекордсменом по количеству модернизационных попыток, вновь стоят модернизационные задачи. Подготовлена ли страна к их решению, каков потенциал ее обновления — ответы на эти вопросы во многом зависят от характера современной национальной идентичности российских граждан.

Банальной, но едва ли оспоримой истиной является зависимость российской идентичности от двух связанных между собой факторов: промежуточного положения страны между Европой и Азией и ее отставания от наиболее развитых государств, преодоление которого — в реальности или в идеологических конструкциях — уже давно стало головной болью российской элиты. Оба фактора накладывали свой отпечаток на всю историю России последних столетий. Отсюда двойственность самоидентификации россиян, отождествляющих себя либо с Европой, либо с Евразией. По мнению А. Кара-Мурзы, истоки этой двойственности лежат в разделении российской идентичности на *цивилизационную* (принадлежность россиян к восточной ветви европейской христианской цивилизации) и *геополитическую* (евразийское географическое местоположение)¹. Но существует и другое объяснение. Как справедливо заметила в одной из своих работ Л. Дробижева, подобная двойственность — свойство людей, живущих в условиях постоянного догоняющего развития².

¹ См. Кара-Мурза б.г.

² Дробижева 2002: 235.

**Двойственность
идентичности
в российской
истории**

Отчетливо выраженная двойственность российской идентичности просматривается со времен Петра I. Европеизация российской элиты породила культурный раскол формирующейся русской нации, проявившийся затем в разных формах (отчуждение между дворянством и народом, разделение культурной элиты на западников и славянофилов, радикализм интеллигентов-модернизаторов в противовес архаичному самосознанию «толщи» общества и т.п.). Если одна часть общества противопоставляла Россию Западу как средоточие своеобразного уклада, то другая расценивала такую самобытность как «азиатчину», видя в Западе символический ориентир, в направлении которого следовало двигаться. «„Запад“, — подчеркивает известный социолог Л.Гудков, — это соединение современности, развитости, рациональности и организационной целесообразности. Такие представления являются базовыми для всего периода русской модернизации, начиная, по меньшей мере, со второй трети XIX века. Можно говорить в целом об их структурообразующей роли для русской культуры, в том числе и для национального самосознания. Поэтому постоянное соизмерение, сопоставление России с западными странами является фактически единственным средством самоописания и самообъяснения, источником и фрустрации, и самоутверждения»³.

³ Гудков 2004: 154.

После революционных событий 1917 г. социокультурный раскол несколько видоизменился. Первоначально речь шла о конфликте между традиционной идентичностью и модернизационным сознанием, но модернизационным сознанием в советском его варианте, изначально впитавшим в себя немало архаичных элементов — упрощенчество, жестокость, вождизм, примитивное деление на «своих» и «чужих» («кто не с нами, тот против нас»), — привнесенных в большевистскую идеологию и революционаристскую идентичность участвующими в событиях широкими массами. С уничтожением крестьянства этот конфликт был по видимости снят формальным установлением единомыслия. Но на деле в повседневных бытовых отношениях, а во многом и в так называемой общественной жизни продолжали существовать традиционалистские установки, слегка подкрашенные вербальной «советскостью». Под прикрытием официальных модернизационных лозунгов шло быстрое перерождение идеологических ценностей в традиционалистском, державническом духе.

В позднесоветский период социокультурный конфликт возродился, прежде всего в форме «двоемыслия» — сосуществования официальной политизированной системы ценностей (присутствовавшей отнюдь не только на вербальном уровне, ибо именно она в значительной степени определяла модус действия или бездействия) и фактически оппозирующей ей аполитичной культуры, центральным компонентом которой вскоре стал комплекс неполноценности перед Западом и западным «качеством жизни». Эта внутренняя двойственность и задавала специфику позднесоветской идентичности, тогда как идентичность интеллигентов — и активных диссидентов, и скрытых «западников» — до поры до времени оставалась статистически незначимой.

⁴ Несмотря на все позднейшие разочарования, в начале 2000-х годов доля россиян, вспоминавших, что в 1991 г. они были на стороне Ельцина, в два с половиной раза превышала долю тех, кто признавался в поддержке ГКЧП (Известия. 19.08.2004).

Две идентичности в постсоветскую эпоху

⁵ Российская идентичность 2007.

⁶ Там же: 23.

⁷ Рубцов 2009: 140.

Ситуация изменилась с развертыванием перестройки. Борьба в «верхах» и снятие цензуры привели к выдвиганию на первый план интеллигентского меньшинства, настроенного на решительные модернизационные и демократические перемены. В условиях фактического банкротства «советской идентичности» это меньшинство, не сумев в полной мере добиться реализации своих целей на политической арене, тем не менее оказало существенное влияние на настроения массовых слоев общества. Об этом влиянии свидетельствуют, в частности, миллионные тиражи ряда журналов, занимавших отчетливо либерально-демократическую позицию, сочувствие значительной части населения, особенно крупных городов, противникам ГКЧП⁴. Во многом благодаря этим процессам в фактуре российской идентичности закрепился феномен значимого (хотя в основном пассивного) модернизаторского меньшинства.

При анализе современной российской идентичности мы можем теперь опереться не только на данные центров изучения общественного мнения (прежде всего Левада-Центра) и ряд аналитических материалов, но и на специальное исследование, проведенное три года назад Институтом социологии РАН⁵. Это исследование показывает, что подавляющее большинство российских граждан идентифицирует себя ныне уже не с покойным Советским Союзом, а с новой Россией, с российским государством, и такая самоидентификация, как правило, перекрывает региональную. «Роль россиянина, гражданина России, — констатируют члены авторского коллектива, — является сейчас самой распространенной „я-идентификацией“. И житель определенной местности, и представитель конкретной национальности отстают от нее в разы»⁶.

Правда, как мы знаем, общепринятыми (в полном смысле слова) символами этой новой самоидентификации обычно являются лишь немногие события прошлого — победа в Великой Отечественной войне, полет Гагарина, да, может быть, те или иные (не такие уж частые) спортивные успехи. Тем не менее в плане преодоления региональной разобщенности, единой идентификации со своей страной формально все в порядке. Однако с точки зрения содержательных компонентов национально-гражданской идентичности это не совсем так. Выясняется, что мы снова пришли все к той же двойственности.

Как свидетельствует исследование Института социологии, по типу идентичности население России распадается на две основные группы: большинство и меньшинство. Первая группа — традиционалисты (точнее, *квазитрадиционалисты*, поскольку, по справедливому замечанию А. Рубцова, такая важная составляющая традиционалистского сознания, как общинность, «соборность», «трагически надорвалась на неумеренном советском коллективизме»⁷ и с ликвидацией крестьянства исчезла социальная база для ее воспроизводства). В то же время немало черт традиционалистского сознания не только сохранилось, но и укрепились

в советские годы. Для нынешних традиционалистов характерны патерналистские ожидания по отношению к государству, ориентация на «хороших руководителей», предпочтение общества социального равенства обществу индивидуальной свободы, недоверие к Западу, мнение, что модель западной демократии России не подходит, и т.д. Вторая группа — модернисты (их примерно в два раза меньше, чем традиционалистов), чье мировоззрение «строится на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы»⁸.

⁸ *Российская идентичность 2007: 36.*

Но ценность рассматриваемого исследования не сводится к последовательному выделению этих двух групп. Идентификационная картина, как оказывается, сложнее. Во-первых, имеется и большая (примерно треть опрошенных) промежуточная группа, противоречивая психология которой сочетает в себе элементы мировосприятия двух главных групп. Присутствуют в ее психологии и тревожные симптомы, указывающие на деградацию массового сознания под влиянием резких сдвигов в обществе (культ денег, отсутствие твердых моральных устоев).

Во-вторых, по целому ряду аспектов расхождения в установках представителей главных групп носят не столько качественный, сколько количественный характер. Главное, что отличает модернистов от традиционалистов, — это отношение к идее всевластия государства и свободе личности. Если 63% модернистов считают, что они сами могут обеспечить свою семью, то 86% традиционалистов убеждены, что без материальной поддержки со стороны государства прожить сложно. 78% модернистов делают ставку на инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни и не боятся оказаться в меньшинстве, тогда как три четверти (74%) традиционалистов выдвигают на первый план уважение к сложившимся традициям и обычаям, следование привычному, принятому большинством⁹. Модернисты предпочли бы жить в обществе индивидуальной свободы, традиционалисты — в обществе социального равенства.

⁹ *Там же: 40.*

Но в отношении к рынку, в восприятии некоторых демократических норм, в представлениях о том, вправе ли государство поступиться интересами отдельных граждан ради большинства, различие не так уж велико. Весьма показательно в этом смысле распределение ответов на вопрос: «Что абсолютно необходимо для того, чтобы можно было сказать: „да, без этого демократии быть не может“?». В «равенстве всех граждан перед законом» видят основу демократии 74% модернистов и 54% традиционалистов, в «свободных выборах власти» — 39 и 34% соответственно, в «свободе печати» — 48 и 30%, в «возможности свободно высказывать свои политические взгляды» — 37 и 18%, в «наличии оппозиции, контролирующей президента и правительство», — 21 и 13%, и т.д.¹⁰ Иначе говоря, идентичность многих россиян, отнесенных к модернистской группе, пока не является в полной мере модернистской, а в сознание традиционалистов уже начали проникать ценности Модерна. Очевидно, что подобное смешение установок еще в большей мере характерно для промежуточной группы.

¹⁰ *Там же. С. 46.*

В-третьих — и это, бесспорно, самое важное — налицо явные подвижки в соотношении этих групп. В конце 1980-х — начале 1990-х годов мы были свидетелями заметного расширения слоя модернистов. Не вызывает сомнений, что в основе этого процесса во многом лежала негативная идентичность — отталкивание от советских образцов. «В России на рубеже 80—90-х годов, — отмечает один из ведущих специалистов Левада-Центра Б.Дубин, — в общественном мнении и в средствах массовой коммуникации действительно наблюдалась весьма высокая оценка развития экономики и политических установлений, образа жизни в целом, присущего западному обществу (на примере прежде всего Японии и США). Контражуром для нее служила быстро распространявшаяся в конце 80-х годов крайне негативная оценка экономических и политических институций СССР, всего советского опыта (в 1989 г. ее поддерживали порядка 40% опрошенных, еще примерно столько же, даже чуть больше, затруднились с ответом). В конце 1991 г. 60% из 6585 опрошенных оценили западный образ жизни положительно (11% отрицательно, 28% затруднились с ответом)¹¹. По мнению Ю.Левады, «при некоем оптимистическом варианте развития событий, приводящего к утверждению новой системы признанных обществом ориентиров, общественная самокритика могла сыграть очистительную, созидательную роль». Однако «этого не произошло, катарсис не состоялся»¹².

¹¹ Дубин 2000: 25.

¹² Левада 2006: 254.

Как показывают многочисленные опросы центров изучения общественного мнения, в дальнейшем слой модернистов заметно сузился. Если в 1989 г. об отставании страны как о бесспорном факте говорили 72% респондентов, то спустя пять лет — меньше половины (41%)¹³. Уже в 1993 г. Т.Заславская констатировала «разочарование значительной части общества в либерально-демократических идеалах и ценностях» и «массовое возвращение людей к традиционным российско-советским ценностям, привычному образу жизни, опеке и социальным гарантиям государства»¹⁴. В свою очередь, Гудков и Дубин указывали на нарастающую с середины 1990-х годов агрессивную реакцию преобладающей части населения страны на перемены последнего десятилетия¹⁵. «Мы имеем в виду, — поясняли они, — негативное отношение к так или иначе обозначившейся после реформ Е.Гайдара социальной дифференциации общества»¹⁶.

¹³ Экономические 1997: 11.

¹⁴ Заславская 1993: 7—8.

¹⁵ Гудков, Дубин 2000: 29.

¹⁶ Там же.

Несомненно, здесь сыграли свою роль ошибки реформаторов, «неолиберальный» уклон преобразований, не принимавших в расчет интересы пенсионеров, мелких вкладчиков, массовых слоев интеллигенции и других групп населения, лишившихся львиной доли своих доходов. «С начала 90-х годов либеральная интеллигенция утратила функции символического „властителя дум“, — писал Левада, фиксируя «разложение и распад того демократического „фронта“, который сыграл важную мобилизующую роль в первые годы перестройки»¹⁷. «До обшего кризиса доверия к власти, примерно до весны 1994 г., поколение 40-летних еще поддерживало линию реформ, с середины этого года

¹⁷ Левада 1995б: 18.

поддержка сменилась заявленным недоверием. Это означало конец „реформистского“ большинства в обществе»¹⁸.

¹⁸ Левада 1995а: 9.

**Отступление
модернистов**

Последующие социологические обследования вполне подтвердили этот диагноз, свидетельствуя об отступлении носителей современной идентичности под напором традиционалистской массы. В самом начале нового века исследователи общественного мнения отмечали «заметное сближение в ответах или даже стирание различий между оценками и реакциями образованных и необразованных респондентов, растерянность тех, кто претендовал на роль „элиты“, принятие ими точек зрения менее образованных групп»¹⁹. Согласно их заключению, «само по себе это обстоятельство можно рассматривать как выход на первый план самых рутинных и периферийных слоев общества»²⁰.

¹⁹ Гудков, Дубин 2001: 16.

²⁰ Там же.

Уже в начале 1990-х годов политическая активность населения резко пошла на спад. По данным ВЦИОМ, к 1992 г. доля тех, кто «всегда принимал участие в общественно-политической жизни», снизилась по сравнению с 1988 г. с 10 до 3%, в то время как доля не интересующихся политикой выросла с 11 до 25%²¹. Если в 1989 г. подавляющая часть респондентов считала, что человек безусловно или в какой-то мере несет моральную ответственность за события в стране, то спустя пять лет эту точку зрения разделяло лишь меньшинство, причем 33% были убеждены, что человек «безусловно не несет» моральной ответственности за происходящее (против 17% в 1989 г.)²². И наоборот: если в 1989 г. доля согласных с тем, что в жизни страны «постоянно» или «иногда» возникают ситуации, когда народу нужен сильный и властный руководитель, составляла 26,2 и 15,7% соответственно, то в 1996 г. — 36,7 и 31,7%²³. Меньшинство превратилось в подавляющее большинство! Во многом под влиянием этого большинства интеллектуальная элита сделала еще более однозначный выбор в пользу авторитаризма²⁴.

²¹ Левада 2000: 11.

²² Там же: 399.

²³ Там же: 243.

²⁴ Левинтова 2002: 25.

Процесс отступления модернистов продолжался и в 2000-е годы. По оценке специалистов Института социологии, в 2004 г. соотношение традиционалистов и модернистов составляло 41 к 26, а в 2007 г. — 47 к 20²⁵.

²⁵ Российская идентичность 2007: 25.

Исследователи Института социологии, несомненно, правы, когда связывают этот сдвиг в пользу традиционалистов с ухудшением объективных условий существования массовых слоев населения, ставшим следствием игнорирования их интересов в ходе рыночных преобразований. В 1990 г. 55% респондентов верили, что граждане сами должны заботиться о качестве своей жизни. Именно появление структурных ограничений, при которых люди мало что могут для себя сделать, привело к тому, что 78% начали возлагать надежды на государство²⁶. Ухудшение объективных условий существования во многом объясняет и тот факт, что «наведение порядка» волнует россиян гораздо больше (рост поддержки с 39,5% в 1998 г. до 48,4% в 2004 г.), чем обеспечение личных свобод (соответственно 15,2 и 15,0%)²⁷, а также саму иерархию «свобод». По данным Левада-Центра, в 2010 г. список наиболее значимых для населе-

²⁶ Там же: 34.

²⁷ Известия. 5.11.2004.

ния России «свобод» открывала «достаточная защищенность государством в случае болезни, утраты работы, бедности» (55%), за которой следовала «возможность купить то, что хочется» (53%). Для сравнения: право выбора места жительства сочли для себя значимым 45% респондентов (5-е место), свободу слова — 42% (6-е место), право обращаться в суд — 40% (7-е место), право частной собственности — 38% (8-е место), свободу от контроля со стороны государства — 22% (12-е место)²⁸.

²⁸ *Независимая газета*. 31.05.2010.

Но подобное отступление носителей современной идентичности вызвано не только объективными, но и субъективными причинами. Модернизаторская, либерально-демократическая интеллигенция быстро утратила свою авангардную роль, и власть с помощью обслуживающей ее интересы части интеллектуальной элиты стала прилагать целенаправленные усилия, чтобы затормозить распространение демократических настроений, воскресить в массах дух подданничества и державничества. «Все последние годы, — подчеркивает Л.Борусяк, — мы видели, что с помощью СМИ в общество вводятся новые, во многом как раз старые, идеологемы: величие России, временно утраченное и „опозоренное“ в 1990-е годы, антизападная ориентация, изоляционизм, особый путь России, патриотизм „негативного“, агрессивно направленного вовне толка, представление об истории России как цикличной, движущейся по кругу и перед остающимися практически неизменными на протяжении веков вызовами»²⁹. В официальной пропаганде, в новых школьных учебниках усиленно подчеркиваются моменты преемственности по отношению как к дореволюционному, так и к советскому прошлому³⁰. По сути, идет «прямая апелляция к группам и слоям населения, имеющим очень ограниченные культурные и информационные ресурсы, но зато выступающим в качестве носителей рутинных символов и смысловых ресурсов предшествующих периодов, сохранивших потенциал державного и советского патриотизма, традиционализма и нерассуждающего подчинения, к контингентам, в социальном плане периферийным»³¹.

²⁹ *Борусяк 2008*: 58.

³⁰ *Об этом см. Тимофеев 2010*.

³¹ *Гудков, Дубин 2001*: 22.

И эти усилия принесли плоды. «В политическом сознании России начала нового века вновь просочились на поверхность свойства и черты архаики с характерной персонификацией власти, упованиями на нечеловеческие качества Отца нации, падкостью на фантастические посулы нового национального величия и готовностью торговать с властью собственной свободой по цене „ниже стоимости активов“»³².

³² *Рубцов 2009*: 164.

В 1989 г. на вопрос анкеты, есть ли у нашей страны враги, 47% респондентов ответили: «Зачем искать врагов, если причина всех наших бед лежит в собственных ошибках и недостатках». В начале 1990-х годов ситуация стала меняться, и к 1994 г. 42% россиян уже считали, что Россия «всегда вызывала у других государств враждебные чувства». А в 1996 г. (разгар первой чеченской войны) об отсутствии у России врагов говорили лишь 9% респондентов, в то время как 75% находили у нее и внешних, и внутренних врагов³³. В 1994 г. доли тех, кто полагал, что отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружест-

³³ *Гудков 2004*: 157; *Гудков 2005*.

- венными, и тех, кто был убежден, что они всегда будут строиться на недоверии, соотносились как 60 к 38, в 2008 г. — как 34 к 52³⁴. «Модель „вражеского окружения“ и связанный с ней комплекс страха и противопоставления по отношению к внешнему миру сохраняется», — констатировал Левада³⁵.
- ³⁴ *Вестник 2009, № 2 (100): 62.*
- ³⁵ *Левада 2000: 431.*
- В 1991 г. почти 60% россиян соглашались с тем, что стране следует «идти по пути развитых стран Запада». А пять лет спустя предпочтение западному образу жизни отдавали всего 20%, тогда как 47% ориентировались на «традиционно русский» образ жизни и еще 11% — на «советский»³⁶. В 2008 г., отвечая на вопрос социологов Левада-Центра: «Какая политическая система лучше?», 24% респондентов высказались в пользу советской системы, 36% — в пользу нынешней российской и лишь 15% — в пользу западной (в 1996 г. таковых было 39, 8 и 28% соответственно). При этом соотношение между приверженцами западной модели демократии и теми, кто считал, что нам нужна «совершенно особая» демократия, «соответствующая национальным традициям и специфике России», составляло 20 к 45³⁷. (За год до этого 35% опрошенных Левада-Центром вообще назвали демократию «пустой болтовней»³⁸.)
- ³⁶ *Гудков 2004: 150.*
- ³⁷ *Седов 2009.*
- ³⁸ *Известия. 12.02.2007.*
- В 2006 г. уже 70% россиян исходили из того, что «Россия принадлежит к особой („евразийской“ или „православно-славянской“) цивилизации и поэтому западный путь ей не подходит»³⁹. Показательно, что среди тех, кто в 2000-е годы идентифицировал себя со сторонниками «особого пути» России, половина (49%) в прошлом (в начале 1990-х годов) поддерживала реформаторов⁴⁰.
- ³⁹ *Седов 2006.*
- ⁴⁰ *Известия. 19.01.2005.*
- Согласно опросу зарубежных социологов, в 2005 г. лишь 25% россиян воспринимали себя как «в значительной» или «в некоторой степени» европейцев (против 52% в 2000 г.)⁴¹. Исследование Института социологии показало, что только за период с 2004 по 2007 г. доля наших соотечественников, склонных видеть в России часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI в. будет теснее всего связана с этой частью мира, снизилась на 7 процентных пунктов (с 42 до 35%)⁴².
- ⁴¹ *Уайт, Макалистер 2008: 18.*
- ⁴² *Российская идентичность 2007: 70.*
- Уже в 1994 г. меньше половины (41%) респондентов признавало, что «Россия отстала в развитии от большинства передовых стран», а к 2008 г. таких осталось всего 29%. Одновременно с 8 до 20% увеличилась доля тех, кто настаивал на том, что «Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли»⁴³.
- ⁴³ *Вестник 2009, № 3 (101): 101.*
- В качестве фактора, компенсирующего реальное отставание, резко усилились великодержавные настроения. Если в 1999 г. в России видели великую державу 14% респондентов, то в 2008 г. — 49%⁴⁴. С утверждением «Наша страна отличается особой самобытностью и духовной культурой, превосходящей все другие страны» в 2008 г. были согласны четыре пятых опрошенных россиян, и 82% поддерживали тезис «Россия — великая страна, которую можно понять, лишь веря в ее великое предназначение»⁴⁵.
- ⁴⁴ *Там же, № 2 (100): 62.*
- ⁴⁵ *Седов 2009.*

Параллельно традиционализму в России интенсифицировались национализм и ксенофобия. По данным ВЦИОМ, в середине 2000-х годов меньше половины (44%) россиян считали Россию домом всех живущих в ней народов, 36% были убеждены, что «русские должны иметь больше прав», и лишь 23% полностью отвергали идею «Россия — для русских»⁴⁶, в то время как 35% не испытывали никаких негативных эмоций в отношении маршей под этим лозунгом⁴⁷. А в ходе одного из проводившихся в те годы опросов Фонда «Общественное мнение» выяснилось, что 67% наших сограждан не сомневаются в наличии реальной угрозы со стороны приверженцев фашистских взглядов, причем 12% находят в фашистских идеях и положительные моменты⁴⁸.

⁴⁶ *Известия*. 15.01.2007.

⁴⁷ *Там же*. 23.11.2005.

⁴⁸ *Независимая газета*. 3.04.2006.

Наиболее податливой к антимодернистскому воздействию оказалась, увы, молодежь. Так, если за период с 1996 по 2006 г. доля «западников» среди респондентов в целом сократилась на 5 процентных пунктов (с 31 до 26 %), то среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет — на 13 (с 61 до 48%)⁴⁹. Во время проходившего в 2004 г. опроса московских студентов и школьников «большинство респондентов... назвали себя „патриотами“, причем тот „патриотизм“, который они демонстрировали, был явно ксенофобского толка»⁵⁰. Сходные результаты дал и проведенный чуть позже всероссийский опрос почти 2000 молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет, продемонстрировавший положительное отношение 70—90% респондентов к ценностям, которые можно обозначить как державно-консервативные (порядок, стабильность, безопасность, сильное государство, традиция и т.п.)⁵¹.

⁴⁹ *Левада 2006*: 293.

⁵⁰ *Борусяк 2004*: 59.

⁵¹ *Задорин 2006*.

Значительную часть ответственности за сдвиги, произошедшие в массовом сознании россиян, бесспорно, несет руководство страны. Лишь в самое последнее время в политике государства наметились тенденции, порождающие надежду, что изоляционизму и проповеди «особого пути» будет положен конец. Провозглашенный Д.Медведевым курс на модернизацию России стал центральной темой дискуссий в отечественных научных и общественных кругах. По мнению главного редактора «Независимой газеты» К.Ремчукова, модернизационная риторика президента — «это попытка начать формирование новой российской идентичности»⁵². Ряд внешнеполитических шагов последнего времени был направлен на сближение с Западом. Несомненно не только наличие в российской правящей элите кругов, сознающих опасность нового застоя, но и их стремление обновить опору власти, обеспечив ей поддержку модернизаторского меньшинства.

⁵² *НГ-политика*. 19.10.2010.

Однако дискуссии, равно как и реальная политика государства, показали и другое: «синдром перестройки», то есть опасение утратить в ходе реформ контроль над ситуацией, желание, приобретя поддержку носителей модернизаторской, «европейской» идентичности, сохранить опору на традиционалистское большинство, еще очень силен. Отсюда — и ставка «партии власти» на «консервативную модернизацию», и недвусмысленное предпочтение узкотехнологической трактовки модер-

низационных задач, и отсутствие в политическом курсе страны явно выраженного и непротиворечивого вектора демократизации.

Шанс для будущего?

Изучение представлений, ценностей и установок современных россиян свидетельствует о лабильности нынешней российской идентичности, о подвижности ее элементов (если, конечно, абстрагироваться от «ядер» противостоящих идентификационных групп). Общий итог ее эволюции пока разочаровывает. Инерция традиционности велика и в последнее десятилетие проявилась весьма отчетливо. И все же...

Российская идентичность еще отнюдь не стала идентичностью современной эпохи, однако она и не «устоялась», не замерла в неподвижности, на что указывает не только ее изменчивость, но и «взаимопроникновение» представлений и ценностей, наличие наряду с существенными качественными и чисто количественных различий между модернистами и традиционалистами. Границы между этими двумя группами неустойчивы. Более того, вербальные утверждения не всегда соответствуют реальным установкам: «Декларативное противопоставление внешнему миру соседствует... с признанием необходимости сближения России с Западом, вступления в Евросоюз и т.д.; стремление видеть в „кознях“ американских бизнесменов и политиков источник наших кризисов — с надеждой на улучшение межгосударственных отношений с США; и т.д. Аналогичным образом резко критическое отношение к демократам и демократическим преобразованиям в России сочетается с декларативным признанием демократических ценностей»⁵³. Все это наводит на мысль о возможности новых колебаний идентичности под влиянием изменившихся объективных и субъективных условий, ее «дозревания» до более близкого к европейскому уровня⁵⁴.

Такое предположение не будет выглядеть чересчур смелым, если «опрокинуть» в прошлое (по крайней мере, в период с конца XVII в.) выявленные на современном материале закономерности — разумеется, приняв во внимание то обстоятельство, что рамки тогдашнего общества были существенно уже. Схематически эти закономерности можно сформулировать следующим образом.

⁵³ Левада 2001: 9.

⁵⁴ Учитывая сегодняшнюю динамику общественного мнения, приходится с осторожностью отнестись к выводу О.Зевинной и Б.Макаренко о том, что «в российской политической культуре обозначился переход от „подданнической культуры“ к „активистской“». Переход пока затормозился. Но исследователи, несомненно, правы, констатируя: «Этот „переход“ уже не дано совершить тем, кто остался на позициях „советского традиционализма“, и он давно завершён для „либералов“. Остальная же часть общества (а это абсолютное большинство) уже формулирует требования к государству, соответствующие современной политической — гражданской — культуре, но предпочитает оставаться ведомой на этом переходе, доверяя ведущую роль государству» (Зевина, Макаренко 2010: 120).

В предреформенную эпоху (а в истории России они повторялись не раз) на авансцену выдвигается группа (или целый слой) носителей модернизаторского, если угодно — западного сознания, вносящая благодаря своей ведущей роли новые элементы в российскую идентичность. В конце эпохи боярской Руси, когда слой людей, от которых зависело не столько вызревание, сколько осуществление решений, принятых самодержавной волей, был чрезвычайно узок, это была довольно немногочисленная группа сподвижников Петра I. В период подготовки и проведения в жизнь реформ Александра II, когда в России уже имелось реальное общество, ограниченное, правда, дворянско-чиновничьим кругом, базой реформ стал слой передовых, просвещенных людей, понимавших необходимость преодолеть отставание от Европы. Даже во

время горбачевской перестройки, происходившей в век массовых движений, судьбу реформ фактически решало меньшинство — наиболее дальновидная часть номенклатуры при поддержке демократической интеллигенции и пассивно-выжидательной позиции большинства. Во всех этих случаях можно говорить о серьезных отличиях идентичности активного меньшинства от идентичности остального населения.

По мере осуществления реформ картина меняется. Под влиянием издержек (неизбежных или субъективно обусловленных) развертывающихся преобразований начинается реакция — пробуждение и активизация традиционалистских пластов идентичности, выход на поверхность носителей «самобытного» сознания, «утапливающих» в своей массе модернистов. Реформы ограничиваются, свертываются или уступают место контрреформам. После Петра I даже столицу ненадолго переносят обратно в Москву. Александру II наследует Александр III, «подмораживающий» страну. За преобразованиями конца 1980-х — начала 1990-х годов наступает время бюрократической и державнической политики, воскрешающей некоторые черты советской эпохи.

Однако импульс, порожденный носителями новой идентичности, не пропадает полностью. Даже ограниченные реформы вносят известные изменения в общество, расширяя со временем ряды модернистов и промежуточные группы и слои. Постепенно формируются новые интересы, возникает потребность в новых преобразованиях. Без западных реформ Петра I и Екатерины II были бы невозможны реформы 60—70-х годов XIX в. Массовая база перестройки начала складываться во время хрущевской «оттепели» и созрела в «застойный» период.

Нынешний облик российской идентичности, отступление когорты явных модернистов в целом не внушают оптимизма. Но утрата целостности противостоящего им большинства, проникновение в его массив новых ценностей и установок заставляют задуматься: не присутствуем ли мы и сейчас при постепенном — робком, неверном, прерывающемся попятным движением — вызревании новой идентичности, которая будет востребована при следующем витке российских преобразований?

Хотелось бы быть правильно понятым: я имею в виду не возможность превращения в ближайшее время модернизационного меньшинства в большинство, тем более в подавляющее большинство. Речь идет совсем о другом. В переломные эпохи значимое (и расширяющееся) меньшинство способно (правда, при очень важном условии — преодолении пассивности и росте самоорганизации) сыграть решающую роль и наложить свой отпечаток на ход событий. «В переломные эпохи, — отмечает Левада, — происходит прежде всего изменение механизмов доминирования и выдвижение на первый план меньшинства, которое обладает „востребованными“ в данной ситуации характеристиками»⁵⁵. Именно такое *значимое* меньшинство определяет своим поведением (хотя и не обязательно это осознает) характер и устойчивость перемен в различных сферах общественной жизни. «При любых переменах

⁵⁵ Левада 2000: 17.

большинство („средняя“) общества инертно, консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже просто реставраторских настроений. Судьба перемен определяется соотношением сил и влияний определенного значимого меньшинства...»⁵⁶

⁵⁶ Там же: 465—466.

Чтобы добиться успеха, добавлю, это меньшинство не должно терять трезвости взгляда. Оно должно помнить о существовании стана носителей традиционалистской идентичности и учитывать их при определении характера и темпов преобразований. «В данном случае, — как подчеркивает Рубцов, с выводами которого нельзя не согласиться, — речь не идет о пассивном следовании глубоко залегающим свойствам менталитета и характера. ...Речь о том, чтобы активно встретить „всплывшие“ и „выброшенные“ эти свойства — и, наоборот, привести в движение те пласты идентичности, которые своими тяжелыми инерциями не позволяют сдвинуться вперед (или, как минимум, лишают возможности набирать требуемую скорость)»⁵⁷.

⁵⁷ Рубцов 2009: 153.

Преодоление в обозримом будущем двойственности российской идентичности, выступающей в качестве одного из главных препятствий на пути решения модернизационных задач, маловероятно. Но остановить деградацию массового сознания, добиться изживания или, на худой конец, оттеснения на задний план наиболее архаичных элементов этой идентичности, изменения соотношения сил между носителями традиционалистского и модернистского сознания в пользу последних, думается, вполне возможно — разумеется, при наличии целенаправленной политической воли и последовательных усилиях со стороны ответственности и особенно власти. Без этой предпосылки надежды на осуществление реальной, а не имитационной модернизации обречены на провал.

Библиография

- Борусяк** Л. 2004. Патриотизм как ксенофобия // *Вестник общественного мнения*. № 6 (74).
- Борусяк** Л. 2008. Проект «Имя Россия» как новый учебник истории // *Вестник общественного мнения*. № 5 (97).
- Вестник общественного мнения**. 2009.
- Гудков** Л. 2004. *Негативная идентичность*. — М.
- Гудков** Л. 2005. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // *Независимая газета*. 26.12.
- Гудков** Л., **Дубин** Б. 2000. Российские выборы: время «серых» // *Мониторинг общественного мнения*. № 2 (46).
- Гудков** Л., **Дубин** Б. 2001. Конец 90-х годов: затухание образцов // *Мониторинг общественного мнения*. № 1 (51).
- Дробижева** Л.М. 2002. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Россия реформирующаяся*. — М.
- Дубин** Б. 2000. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // *Мониторинг общественного мнения*. № 6 (50).

- Задорин И.** 2006. Лишние люди? // *Независимая газета*. 21.03.
- Заславская Т.И.** 1993. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. № 2.
- Зевина О.Г., Макаренко Б.И.** 2010. Об особенностях политической культуры современной России // *Полис*. № 3.
- Известия.** 2004—2007.
- Кара-Мурза А.** *Дуализм российской идентичности: цивилизационное западничество versus геополитическое евразийство* (http://old.russ.ru/journal/politics/98-10-26/k_murz.htm).
- Левада Ю.А.** 1995а. Три «поколения перестройки» // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. № 3.
- Левада Ю.А.** 1995б. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. № 6 (20).
- Левада Ю.А.** 2000. *От мнений к пониманию*. — М.
- Левада Ю.** 2001. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // *Мониторинг общественного мнения*. № 2 (52).
- Левада Ю.А.** 2006. *Ищем человека*. — М.
- Левинтова Е.** 2002. Политический дискурс в контексте общественного мнения в постсоветской России // *Мониторинг общественного мнения*. № 5 (61).
- НГ-политика.** 2010.
- Независимая газета.** 2006, 2010.
- Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад Института социологии РАН.** 2007. — М.
- Рубцов А.** 2009. *Российская идентичность и вызов модернизации*. — М.
- Седов Л.** 2006. Запад внутри нас // *Независимая газета*. 22.12.
- Седов Л.** 2009. Традиция ломает реформы // *Независимая газета*. 12.08.
- Тимофеев И.Н.** 2010. *Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории* (http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskaja_politicheskaja_identichnost_skvoz_prizmu_interpretacii_istorii_2010-10-01.htm).
- Уайт С., Макалистер Й.** 2008. Беларусь, Украина, Россия: Восток или Запад? // *Вестник общественного мнения*. № 3 (95).
- Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения.** 1997. № 1 (27).